

Марчелло

Моск. художник — 1995. — 25 мая (№ 17-18). — С. 4.

Евгений Марченко получил на свое пятидесятилетие два больших и заслуженных подарка: персональную выставку на улице Чехова в галерее "Интерколор" и "Гран-при" на выставке "Золотая кисть" ЦДХ. Однажды он уже был лауреатом этого широко-масштабного мероприятия в 1993 году, а впервые был отмечен в 1978 году за картину "Семья фронтовика" премией Московского комсомола.

Давно это было, и Марченко входил тогда в шумный отряд молодых московских художников (по загадочному партийно-астральному календарю "молодежный возраст" ограничивался 35 годами). Коммунизм тогда находился на излете, как в никоге не по-павшая и падающая где-то за огородами пуля. "Молодым" было в меру многое дозволено, но в пределах традиционной картинности, поэтому их поиски шли, главным образом, по линии содержания, и здесь они открыли многое. В отличие от их старших друзей "шестидесятников", явивших "городу и миру" интеллектуальных лерсоров и многомысленных печников, поколение Марченко, яр-

чайшим представителем которого он является, далеко не уезжая и не загадывая, обратилось к животрепещущим проблемам уважения личности человека, нарушения его прав, начиная с уровня милицейского околотка — райжилуправления. В отличие же от поедаемых комарами в тайге "шестидесятников" поколение 70-80-х уединилось в мастерских и дальше Сенежа предпочитало не выезжать. В их искусстве родился свой миф коллективизма и молодежной солидарности, противостоящий асфальтовому катку повседневности. Экспонируемые в Манеже большеформатные холсты Марченко, многосюжетные и многоплановые, демонстрировали вымышленный мир, в котором безумствовали и царили свобода выбора и бескорыстная дружба.

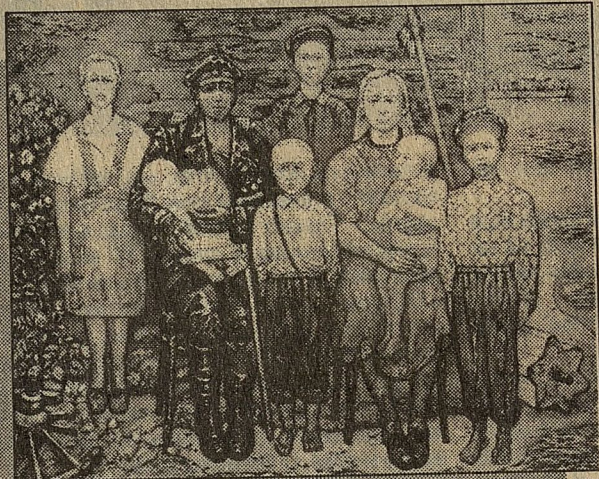
Крах идеологии был в них предопределен и, чувствуя это, "руководство" всех уровней — от ЦК до СХ — пыталось скорректировать творческий процесс, безуступчиво навязывая договорные темы всевозможных "дерзаний", видное место среди которых занимала прошедшая война как попытка милитаризировать, то есть дисциплинировать сознание молодого художника. Однако пережившие истерический пафос произведений баталистов старших поколений, молодые возвращались совсем к иному. В картине Марченко "Семья фронтовика" воин-инвалид вернулся в бесперспективно нищую деревню. Так шли годы, но за видимым творческим благополучием Евгения Марченко скрывалась обычная для талантливого художника трагедия неадекватности искусства и жизни.

Все это разрешилось позже, в триптихе "Свободу человеку" (1990), одна из частей которого представляет собой подлинную автобиографию художника. В то время, как более молодые поколения творцов уходят в космополитическое беспредметничество и концептуализм, Марченко остается гражданином своей земли, осознавая и выражая нерасторжимость себя и уходящего советского бытия. В упомянутом полотне ("Белый кораблик. Слепец"), экспрессионистически-плакатном, смонтирована история жизни советского человека от счастливого пионерского детства до милицейских протоколов, предупреждающих от попыток диссидентства. В известной картине Марченко "Гимн Советского Союза" зачуханный гармонист восседает в полукруге безголовых участников художественной самодеятельности. Однако здесь нет соц-ар-

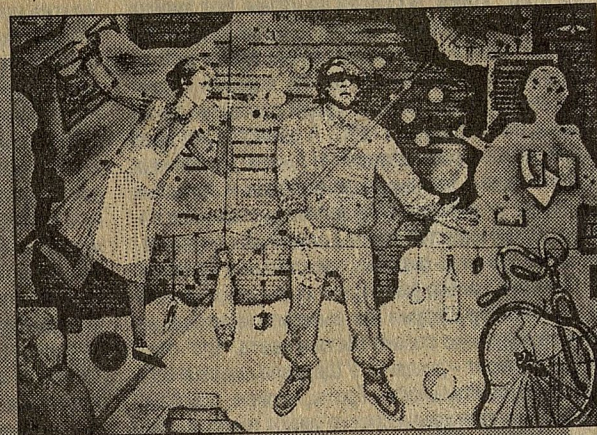
товского глумления; гипертрофированный лирический ее лад на манер народного пения вызывает, скорее, щемящее чувство жалости о бесплодно прожитых годах.

Растерянность человека перед Властью, приниженность ему, в творчестве Марченко отнюдь не адресуются в прошлое. Тревогой пронизано его искусство и сегодня, как никогда, ему более всего соответствует образ слепца с завязанными глазами из его одноименной картины. Слишком отзывчива душа тревожностям окружающей действительности, атмосфера которой опять сгущается, и как встарь становится тяжелее дышать под гнетом лжи. Марченко не может уйти в прекраснотворные внеизобразительные художественные игры, но и попытки найти успокоение в религиозной тематике едва ли плодотворны. Пятьдесят лет — возраст критический для художника. Думается, что Евгений Марченко обретет "второе дыхание", залог этому — незаурядный человеческий и творческий темперамент нашего Марчелло, как любя окрестили его друзья.

М.Павлов

Е.МАРЧЕНКО. Семья.

Е.МАРЧЕНКО. Белый кораблик. (Слепец).

25.5.95

Марченко Евгений